

Без-мятежная память. Постсоветская судьба декабристского мифа

Устойчивость советской мифологии объясняется более всего тем, что эта мифология не сводилась и не сводится к *советскому*. Культ декабристов – один из самых ярких примеров подпитки советской идеологии ценностями русской “высокой классики”. В этом культе было нечто большее, нежели идеократическая риторика и конструирование «сверху» – этот культ старше государственной идеологии – достаточно вспомнить, что название первой социал-демократической газеты “Искра” её основатели связывали со строкой из “Нашего ответа” Одоевского Пушкину.

Наследники по прямой. Сейчас, когда советская история ретроспективно “выпрямляется”, кажется странным пиетет перед дворянами-революционерами в аскетичной “стране трудящихся”. Советские пионеры, выросшие в малометражных хрущевках и коммуналках (во всяком случае – “книжные” мальчики и девочки), числили себя наследниками великосветских офицеров, соединивших обаяние элитарной культуры с романтикой революции¹. Школьники усваивали, что декабристы – «дворянский период революции», имевший развитие в «дворянском периоде русской литературы», не просто из очередной темы урока, а из самой логики школьной программы по литературе. Ленинская периодизация с конца 30-х годов (точнее, 1937 года, когда отмечалось столетие гибели Пушкина) стала формулой-каркасом, на основе которой описывался девятнадцатый век, и той исторической цепью, которая соединяла уже в школе декабристов, если не с октябрятами, то с пионерами и комсомольцами как продолжателями русской революции.

¹ В одном из самых популярных телесериалов для подростков 80-х “Гостя из будущего” (сценарий Кира Булычева) московские мальчишки ищут романтику в старом особняке, принадлежавшем, по их версии, кому-то из декабристов, и, в результате, попадают в романтическую схватку со вселенским злом.

Фоновым знанием каждого, получившего среднее образование, была фраза «декабристы разбудили Герцена».

Парадоксальность культа декабристов не осознавалась, хотя иногда и остранилась идеологической карикатурой. Ненамеренной - вроде скульптурной композиции на станции Петровский Завод: фигура Ленина над горельефами отбывавших каторгу декабристов. Или пародийной, как в “балладе об историческом недосыпе “Памяти Герцена” Наума Коржавина: вся история русского революционного движения предстала цепной реакцией лжегеройства после того, как декабристы потревожили сонное царство России. Заметим, что сами декабристы не были поэтом осмеяны - российский интеллигент, как бы язвителен он не был, здесь останавливался. (1, 180-182)

Наум Коржавин заявил о своей “зависти” декабристам в 1944 году, будучи девятнадцатилетним студентом, приехавшим в Москву из провинции:

Можем строчки нанизывать
Посложнее, попроще,
Но никто нас не вызовет
На Сенатскую площадь...
..Мы не будем увенчаны...
И в кибитках,
 снегами,
Настоящие женщины
Не поедут за нами. (1, 13)

Коржавин был по своей более поздней оценке к моменту ареста в 1947-м, а, значит, и тогда – в 1944-м, когда написал “Зависть”, абсолютным сталинистом. Его зависть к декабристам – зависть *советского* юноши, воспитанная в том числе школьными курсами литературы и истории, культивированием Пушкина - не вопреки, а по активной инициативе власти.

Ленинская культурная модернизация была ответом на вопросы, мучившие образованного человека в России девятнадцатого века, и память о декабристах прошла через двадцатый век благодаря этому. Власть модернизаторская, культустрегерская не могла не создавать историческую санкцию для себя из высокой русской классики. Противоречивость данного обстоятельства (неочевидная в советскую эпоху, но явная сегодняшнему

взгляду) определила и то, что советские образы “первых русских революционеров” всегда сохраняли в себе потенциал, если не оппозиционный, то альтернативный официальной – “классовой” – историософии, непартийную эстетику и нравственный идеал, не вписывающийся в социалистическую мораль. На возникающей исторической дистанции публичную неофициозность немудрено принять если не за диссидентство, то за антиофициозность. Но музеи декабристов в Иркутске, Москве, Чите и в небольших городах (и даже в селе Урик) открылись либо до перестройки, либо в самом её начале. Многолюдные конференции проводились при поддержке органов государственной власти, государственные издательства выпускали не только научные книжные серии (“Полярная звезда” или “Мемуары декабристов”), но непременно отводили место декабристам и в самых тиражных художественно-публицистических: «Жизнь замечательных людей», “Пламенные революционеры”, “Пионер – значит, первый”.

Романтическая притча. Восстание декабристов в Советском Союзе всегда было притчей - притчей о романтической попытке выступить против самовластиа, обреченной в тех исторических условиях. Вариант успеха не рассматривался. Такие предположения противоречили бы психологии советского исторического человека: любое происшедшее событие с неумолимой логикой объяснялось исторической необходимостью, а, значит, не могло не случиться. И, разумеется, дворянская революция в силу своей «исторической ограниченности» не могла быть успешной. Причем обреченность попытки была как бы понятна и самим восставшим – во всяком случае, Пушкин, согласно этой притче, не был ими взят в заговор из бережного отношения к российскому гению. Тем значимее и возвышеннее представляла жертва, принесенная передовыми людьми России, которым в отличие от марксова пролетариата было что терять.

Притча о героизме обреченных задавала границы даже исследовательским проблемам – очевидный для историка вопрос о нереализованных возможностях восстания был замещен темой обреченности.

Обреченность революционной попытки дворян объяснялась узостью их исторического мышления и непоследовательностью задач, которые в свою очередь определялись дворянским происхождением. Обреченность предшественников помогала утверждать историческую предначертанность большевистских успехов.

Антирежимные смыслы романтической притчи открылись лишь для одного советского поколения - для “шестидесятников” – и открылись с наступлением *брежневского безвременья*, которое напрашивалось на параллели с николаевской Россией. Самым откровенным выявлением этих смыслов стала песня Александра Галича, настойчиво ставившая вопрос “Можешь выйти на площадь?” Галич связал в единую историческую цепь выход в августе 1968 года на Красную площадь семи советских интеллигентов, протестовавших против ввода войск в Чехословакию, и стояние на Сенатской полков, отказавшихся присягать Николаю.

Песня возникла на перекрестке двух нравственных образцов, двух долженствований - бесспорных для “шестидесятников”. Поэзия Галича и его вопрошание было “в упор” адресовано интеллигенции так же, как в упор смотрели глаза красноармейца на плакате Моора (“Ты записался добровольцем?”) в Гражданскую войну или глаза Матери-Родины (“Родина-Мать зовет”) в Великую Отечественную. Долг наследника революции, “советского мальчика”, воевавшего или выросшего после войны требовал быть готовым к мобилизации. А категорический императив русской интеллигенции не допускал сомнений, что искренность для честного человека выше расчета.

Попытка революционного государственного переворота отныне была протестом честного человека против самовластья, душевным порывом тех, для кого свобода - ценность, а не политическая задача. Уклонение от душевного порыва было нарушением категорического императива, подчинением общему духу *безвременья*:

Днями-неделями выйти не смели мы, -
время нас не щадит.
Вот и остались мы, вот и состарились

около площади.

Так и проходят меж пьяной беседою,

домом и службою

Судьбы пропавшие, песни неспетые,

жизни ненужные...

(Александр Городницкий. *Около площади. 1981г.*)

Альбом песен Городницкого, написанных в начале 80-х годов (куда вошла и процитированная песня), назывался “Спасибо, что петь разрешили”. К этому времени выработались способы разговора, музыкальный язык, киноязык, наконец – «магнитофонная» культура, позволяющие публичному пространству быть хоть в небольшой степени разгосударственным, что впрочем не сделало его деидеологизированным. Это публичное пространство было общим для обширного круга людей и в то же время приватным. Его культура предполагала как неперенный этап творчества индивидуальную работу мысли и воображения читателя, зрителя, слушателя, внешней цензуре не подвластную – *неконтролируемый подтекст*, по изящному выражению советских цензоров. Среди книг, которые были наполнены аллюзиями и неконтролируемым подтекстом, были заметны и книги о декабристах - прежде всего, повести Натана Эйдельмана (о Лунине, Пущине, Муравьеве-Апостоле, Раевском) и Булата Окуджавы (о Пестеле). В подцензурной исторической прозе, также как в пьесе Эдварда Радзинского о Лунине духота эпохи была фоном и причиной внутренней драмы героев, стремившихся сделать мир лучше, прорваться к полной и настоящей жизни – драмы *подлинности*, вынужденной вести неравный бой с *подлостью, лицемерием*.

Романс Исаака Шварца на стихи Окуджавы "Кавалергарда век недолог" окрасил образ совестливых дворян еще и обаянием молодости, *гусарства*. Вышедший к сто пятидесятилетию восстания фильм Владимира Мотыля “Звезда пленительного счастья” и эта песня, которая была для фильма написана, не просто добавили новые краски в романтическую притчу – утвердили новую интонацию. Эта интонация, которая звучала без диссидентского вызова и почти без либерального подтекста, была в то же время глубоко альтернативна официальной истории и советской героизации:

воспевалось не самопожертвование, а самоутверждение человека, стремящегося к свободе. К тому же песня и фильм были восприняты не только теми, кто читал повести Эйдельмана или видел спектакль по пьесе Радзинского в театре на Малой Бронной. Притча вступила в новый этап своего бытия – стала естественной частью культурного кода, который можно определить как *несоветскую романтику советской интеллигенции*. Культура эта была, хотя и элитарной, но достаточно массовой, к тому же её носители – люди, принявшие просветительскую миссию как возможность самореализации. Пение у костра, поэтические композиции старшеклассников, выставки в библиотеках подхватывали именно такую – романтическую – интонацию.

Заметное и бесспорное место притчи о декабристах, романтический ореол совокупного образа привели к феномену, парадоксальность которого не была замечена (во всяком случае, публично): потомки декабристов, то есть, преимущественно, потомки дворянских родов, стали желанными гостями юбилейных конференций и фестивалей. Они первые (либо одни из первых), кто благодаря своему дворянскому происхождению обрёл в Советском Союзе символический капитал. Как развитие этого парадокса уже в постсоветское время возник другой феномен. После закрытия в 1997 году Музея декабристов в особняке Муравьева-Апостола без места для регулярных собраний осталось «Общество потомков декабристов». Злоключения особняка, связанные со сменой собственников, и судьба московского музея декабристов – отдельная история, что же касается потомков декабристов, то их обществу дал приют Государственный музей имени Николая Островского в Москве, расположенный в доме на Тверской. Исторический аргумент восходит не к ленинской формуле о трех поколениях революционеров, а к тому, что за столетие с лишним до пролетарского писателя в этом доме жила Зинаида Волконская и, значит, здесь Пушкин передал Марии Волконской послание декабристам. Но есть аргументация и мировоззренческая – музей Николая Островского сохранился, став одновременно Центром «Преодоление».

Декабристы стали ключевым звеном для новой концепции музея Николая Островского – теперь он посвящен людям, «которым судьба устроила жесткие испытания – физические, душевные»⁽³⁾, и экспозиция изменяется соответствующим образом.

Невостребованное наследство. В сценарии расправы Николая I над дворянами, унизившими его неподчинением, одна из очевидных задач – вычеркивание их из памяти “своего” (Его – царя – и Их) круга. Каторга и ссылка в Сибирь – не только наказание, перенесение в пространстве как можно дальше от жизни общества, по сути – в небытие. Логика исторжения декабристов из памяти общества оказалась очень действенной. И советский этап вписался в эту логику, сконструировав мифологию достаточно поверхностную, чтобы выскользнуть из социальной памяти, как только исчезли юбилейные и школьные напоминания о ней. Вернувшись из небытия в пору александровских реформ, декабристы оказываются на грани забвения в эпоху реформ постсоветских. В период, когда актуализированы вопросы, вызвавшие к жизни программы и действия декабристов, внимание общества привлекается к многим фигурам отечественной истории и её периодам, но частота упоминаний декабристов резко упала по сравнению с советским временем². Причинно-следственные связи и ассоциации между дворянами-революционерами и советской утопией, закрепленные в декабристском мифе, делают саму тему наследия декабристов крайне неудобным предметом для публичных высказываний адептов реформ.

Наследие декабристов – программы, с которыми они подошли к революционному действию, опыт гражданского действия и поражения, и, может, в первую очередь, опыт их переосмысления российской истории, собственной судьбы и взглядов, которое состоялось в результате «второй жизни» за пределами социальной лестницы столиц и сословия. Каждая из этих

² Наглядную картину дают системы поиска в русскоязычном Интернете. По количеству страниц и документов в Рунете декабристы резко уступают не только деятелям двадцатого века, но, например, Петру Первому, Ивану Грозному, Александру Третьему, Павлу Первому; в любой из основных поисковых систем (Google, Rambler, Yandex, Mail) количество упоминаний декабристов меньше, чем упоминаний Александра Невского. Аналогичную картину можно зафиксировать на телевидении и в бумажных СМИ.

составляющих - важнейший ресурс для общественной дискуссии в современной России. Но декабризм предметом дискуссии не стал. И это обстоятельство достаточно рельефно показывает одну из причин неразвитости в современной России такого социального института как общественная дискуссия – доминирование имперского сознания. Опыт декабристов – не опыт победителей, а империи вырастают на победах, на культе побед и одно из свойств человека империи - неумение принимать в наследство поражения, переводить их в вопросы. Функции истории – поставлять аргументы для утверждения своей позиции, но не ставить вопросы. Неразвитость общественной дискуссии взаимообусловлено с неразвитостью историософских традиций, отсутствием культуры вопрошания прошлого.

Однако, декабризм не стал и заметным предметом идейно-партийных оценок, подменяющих общественную дискуссии, идеологических концептов российской истории, подменяющих историософию.

Место декабристов как исторических предтеч большевистской революции твердо усвоено идеологами и публицистами любого направления, оканчивавшими школу в советское время. Ленинская формула настолько доминирует в образе декабризма, что сама тема либо не воспринимается в кодовом контексте модернизации, гражданского общества, западничества, либо замалчивается как несущая в себе трудности согласования с этими кодами – непреодолимые для их нынешних риториков.

Государственники-модернизаторы, которым просвещенный патриотизм и конституционализм декабристов мог бы служить весомым аргументом исторических устремлений российского общества к задачам, декларируемым нынешней властной элитой, не могут возвести свою родословную к мятежникам. Более того, идейное наследие декабристов для них потенциально опасно: программы реформирования империи предполагали решение ключевой проблемы российского государственного устройства – обеспечение нестесненного развития краев и земель России, были устремлены к реальной, а не виртуальной федеративности. Что касается идейно-политических групп и партий,

ориентированных на либеральные ценности, показательным фактом является, что в проекте «История либерализма в России», реализуемым Союзом правых сил восстановление имен «либеральной» линии российской общественной мысли и политики через публикации, введение в топонимику, установление мемориальных знаков, места декабристом не нашлось, а первые десятилетия девятнадцатого века представлены прежде всего Михаилом Сперанским. Не оспаривая либеральных взглядов Сперанского, отметим в связи с нашей темой, что он – опытный администратор и мыслящий реформатор, которому декабристы в случае успеха переворота готовы были вручить бразды республиканского правления, после подавления мятежа получил от нового императора задание разработать сценарий расправы над мятежниками. Сперанский решил задачу, как всегда, нетривиально и сумел сохранить себя для советов новому императору. Поэтому, включая декабристов в историю либеральной мысли, нынешний российский либерализм столкнулся бы с трудностью рассмотрения коллизии «декабристы – Сперанский» и, принимая в наследство реформизм Михаила Сперанского, отнестись с какой-то степенью отчетливости к неизменно повторяющемуся историческому выбору российского либерала: оппозиция власти или искусство влияния на власть преобладающих. Советская конструкция декабристского мифа, которая акцентирует внимание на мятеже, а не на конституционализме, и опирается на ленинскую формулу о «трех поколениях», позволяет идеологам либерализма в нынешней России выпрямлять либеральную линию, умолчав о декабристах. Линия, проведенная «от Сперанского до Сахарова» без декабристов (и даже Герцена, не говоря уже о других революционных демократах), игнорирует, в результате, те интеллектуальные и нравственные трудности, без проработки которых либеральная мысль в России может имитировать развитие, но не может развиваться.

Героический романс. Не менее, чем стояние на Сенатской, если не более, значимый для “книжной” советской культуры образ – жены приговоренных к каторге, ринувшиеся в заснеженные просторы за обреченными мужьями. Образ давно и глубоко укоренен: *декабристка* было и

остаётся именем нарицательным, обозначающим готовность женщины подчиниться обстоятельствам жизни своего мужчины, особенно если речь идет об отъезде “в неизвестность”. В большинстве интернет-каталогов на видеопroduкцию говорится, что “Звезда пленительного счастья” - фильм о “подвиге русских женщин”. Представление о выборе декабристками своей судьбы как высшем проявлении женского национального характера восходит к “Русским женщинам” Николая Некрасова. И тогда уже - в поэме Некрасова - ясно звучала интонация вызова. У Некрасова «подвиг любви бескорыстной» если не мотивом, то основой имеет глубокие христианские чувства и княгиня Трубецкая говорит иркутскому губернатору о святости долга, которому следует. В советском сознании религиозные смыслы распались и подвиг декабристок выглядел поступком неожиданным и дерзким по отношению к «высшему свету». Однако ни историки, ни популяризаторы не развили эту оценку до версии сознательного социального протеста. Авторы фильма вольно или невольно устранили, точнее, заместили непроговоренность причин добровольного изгнания декабристок, возникшую в атеистической стране. Результатом популярного фильма стало обновленное нравственное звучание образа декабристок. Героини воплощали право личного выбора судьбы. Фильм “Звезда пленительного счастья” показывают по телевизору не только в юбилей восстания на Сенатской площади, но непременно по одному из общероссийских телеканалов 8 марта – в *женский праздник*.

Другая ассоциация оказалась неуязвимой для времени, для смены эпох. «Декабристки» звучит как напоминание о том, что Сибирь – суровая страна. Все, чем пугал Екатерину Ивановну Трубецкую в поэме Некрасова иркутский губернатор, стало неотъемлемой частью высокого советского мифа о добровольном изгнаничестве женщин, более того придавало особую высоту подвигу декабристок. Подвиг женщин был и остается главным компонентом воспитывающего мифа “Декабристы в Сибири”.

Сибирские версии. Сибирская жизнь декабристов – особый мир, удаленный в пространстве, времени, в мироощущении не только от

дворянского света Петербурга и Москвы, но и от мира тайных обществ, восстания на Сенатской, «пугачевского» марша Муравьева-Апостола. И точно также (хотя не только вследствие этого) образ декабристов и их жен обрел в сибирских городах совсем иное бытие, чем в культуре, создаваемой в столицах централизованной страны – в локальных мифах о сибирском поприще декабристов «домашнее» соединяется с великим. Так «визитная карточка» Читинского драматического театра – сценическая композиция, одна из центральных идей которой в том, что, став одним из основных мест наказания декабристов, Чита оказалась причастной к истории Отечества, которую в спектакле как персонаж общероссийского масштаба воплощает император Николай. В Чите, то есть на юго-востоке сибирских пространств, и Ялуторовске, то есть на их северо-западе, с декабристами связывают планомерность застройки «а ля Петербург», считая их реформаторами городского пространства. А там, где декабристы не наладили сибирскую жизнь, её как минимум сделали культурной – во всяком случае, это прочно вошло в образ места именно в советское время. Иркутянин, выросший в 50х-70х, твердо знает, что именно декабристы (а по сути две жены декабристов – Екатерина Трубецкая и Мария Волконская) дали начало культурному миру города. И Дом Волконских поддерживается не только как музей, но как романтический салон и это стилистически довольно точно: романтизм – неотъемлемая часть *декабристского мифа* в Иркутске. В Кяхту декабристы только наезжали пообщаться с образованными людьми, поиграть в карты или, как, например, Николай Бестужев, подзаработать писанием портретов. В честь Бестужева в Кяхте названа улица и то, что декабристы, прозвавшие Кяхту «Забалуй-городок», нашли как передовые люди достойное себя общество – часть культурного мифа города.

От Приуралья до Забайкалья декабристы – символический капитал, доказывающий, что город не был в стороне от большой истории и передовых веяний. Более того, в советское время благодаря декабристам сибирские города и поселки вписывались в историю русской революции, места каторги и

ссылки представляли в своих локальных историях оазисами свободомыслия. В Петровске-Забайкальском, например, местные власти в советское время санкционировали крупное панно на здании вокзала не просто с текстом ответного стихотворения Одоевского Пушкину, но и с крупно выписанным заглавием “Наш ответ”. Осовременивание тираноборческого стихотворения, возникшее благодаря тому, что заголовок связал декабристов с местным сообществом, осталось незамеченным, если не авторами панно, то во всяком случае теми, кто дал санкцию – символический капитал причастности к большой истории сопровождается слепотой к иронии истории. С забайкальским панно удачно рифмуется плакат, размещенный на центральном проспекте Новосибирска уже в постсоветское время к 200-летию Пушкина в 1999 году, где к профилю поэта была подверстаны начальные строки его послания декабристам «Во глубине сибирских руд храните гордое терпение!». Советская модификация мифа о декабристах создала столь значительный ресурс символического капитала для сибирских городов и поселков, что и в постсоветское время он, этот ресурс, остается одним из главных оснований сохранения совокупного образа «декабристы» в исторической памяти.

Иркутская история. В Иркутске нет памятника декабристам. Место для него обозначили еще в 1985 году, установив камень с соответствующей надписью напротив Крестовоздвиженской церкви, там, где до революции стояли Амурские ворота, через которые следовали на восток и декабристы и родные женщины, устремившиеся за ними. Предложенный тогда проект монументальной скульптурной группы вызвал резкие возражения – шла уже эпоха гласности и перестройки. Провели конкурс и выставку представленных проектов, собрали оценки и отзывы посетителей. Затем стало не до памятников. Несколько лет назад время монументальной скульптуры в Иркутск вернулось – водружен памятник Александру Колчаку, восстановлен Александру Третьему. Предлагались различные памятники и на то самое место, где стоит камень. Реплик о том, что место отведено под памятник декабристам, не звучало – очевидно, что попытка увековечить декабристов

вблизи церкви станет мощным поводом для очередной идеологической компании «русской партии», которая в Иркутске с середины 80-х годов осуществляет себя, прежде всего, иницируя идеологические атаки (2, 228-232). Декларирующие клерикально-монархические ценности России - единственная идейно-политическая группа, которая актуализирует тему декабристов: декабристы удобны в качестве образа врага. Батюшка в селе Урик настаивал, что надгробному памятнику государственного преступника Никиты Муравьева не место в ограде православного храма, газета «Православное Забайкалье» напоминает о масонстве (а, значит, враждебности России и истинной вере) декабристов, иркутская националистическая газета предлагает версию «декабристы - агенты Британии».³

В 2005 году иркутские СМИ опубликовали новость о том, что Зураб Церетели создал памятник декабристам. Новость подавалась в интонации гражданских опасений («не хотят ли навязать Иркутску?!»), но скульптор дезавуировал и новость и опасения. В приближении 350-летия Иркутска (2011 год) формируется программа увековечивания в городском пространстве значимых для истории Иркутска замечательных людей. В связи с этим неизбежно возникает вопрос о памятнике декабристам. И в этой ситуации обновление новости о скульптурной группе работы Церетели встречено иркутскими СМИ весной 2008 года совершенно иначе – сразу несколько из них высказали предложения по установке монумента именно в Иркутске. Возникшее усечение темы декабристов до добровольной ссылки женщин не замечается, во всяком случае не артикулируется – подвиг «декабристок» стал удобным поводом избежать дискуссий о самих мятежниках и их сибирской судьбе. Но и для памятника подвигу женщин, описанному Некрасовым как следование христианскому долгу, ищут другое место - не напротив церкви.

³ Здесь то же смысловое совпадение с ленинским «Страшно далеки они от народа!» показательно. Иркутский поэт в связи с юбилеем Федора Тютчева противопоставляет его патриотизм космополитизму тех, кто вышел на Сенатскую и развивает тютчевский образ дыхания железной зимы: силы самой стихии смели с площади бесовское, занесенное европейскими ветрами, неукорененное в народных толщах.

Список литературы:

1. Коржавин Н. Время дано. Стихи и поэмы / посл. Б. Сарнова. – М.: Худож. лит-ра, 1992. – 320 с.
2. Рожанский М. Фантом национальной империи. «Русская партия» в Иркутске // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. – М.; Иркутск: Наталис, 2005, С. 222-248.
3. Сабитова И. Озаренные солнцем// Социальное партнерство (издатель ЗАО «Лукойл-информ»), 2006, № 3.

Справка об авторе:

Рожанский Михаил Яковлевич,

канд. философских наук, доцент,

научный директор Центра независимых социальных
исследований и образования

адрес: mr1954@yandex.ru